

Я снова встретился с автостопщиком лет шесть или семь назад в маленьком городе на юго-востоке Франции по прошествии пятнадцати с лишним лет, когда, не забывая его совсем (автостопщик не из тех, кого можно забыть), я хотя бы думал о нем не так часто, как раньше. Я называю его автостопщиком, потому что этим прозвищем, существовавшим только в моих мысленных к нему обращениях, о которых он ничего не знал, я постоянно именовал его про себя все те годы, когда мы тесно общались, и потом, когда мы друг от друга отделились, а я все-таки продолжал вспоминать его время от времени как некий этап, или — есть у моряков одно слово, уместное в данном случае благодаря некоторой своей неоднозначности, хотя сами они не связывают с ним ничего тревожного, — узел.

Поселившись в Н., я узнал, что он тоже там живет.

Я уехал из Парижа, чтобы начать новую жизнь. Я изо всех сил хотел переменить обстановку. Деконструкция, реконструкция — такова была моя программа на грядущие дни, а возможно годы.

Я приближался к сорокалетию. Я уже много лет писал книги. В Париже работал дома, куда-то хо-

дил, снова возвращался работать. Чего-то добивался, что-то само шло в руки. Общался с людьми. Некоторые становились мне дороги. Влюблялся. Переставал любить. Не знаю, возможно, естественный ход существования — это быть сначала независимым, одиноким кочевником, потом постепенно связать себя более крепко, осесть, создать семью. Если это так, то я удалялся от цели. Мои маршруты становились короче. Любовные истории длились меньше. Случались реже. Меня находили неуживчивым. Или я сам с годами утратил терпимость, разучился заботиться о других.

Наверно, стал равнодушнее. Или просто любовь теперь интересовала меня меньше.

Одиночества я не боялся. У меня всегда бывали в уединении острые моменты радости, которые чередовались, разумеется, с острыми моментами тоски, и все-таки в целом я по натуре своей предрасположен к счастью.

Меня привлекает и одновременно страшит мысль, что существует некая теневая черта. Невидимая граница, которую мы переходим ближе к середине жизни, граница, за которой мы уже не можем *стать*, а можем только *быть*. Конец обещаниям. Конец умозрениям на тему, что мы решимся или не решимся совершить завтра. Нам известно, какое пространство мы нашли в себе силы исследовать, какой кусок мироздания в состоянии были охватить. Половина отпущенного срока прошла. Она теперь там, позади, вся как на ладони, и уже ясно, кто мы есть, какими были до сих пор, на что способны или неспособны были отважиться, что нас огорчало, что радовало. Мы можем убеждать себя, что линька не завершена, что завтра мы переменимся, что тот или та, кем

мы на самом деле являемся, еще покажут себя, — поверить в это все труднее, и даже если такое произойдет, срок жизни, отпущенный этому новому человеку, с каждым днем уменьшается, зато увеличивается возраст теперешнего, того, кем мы так или иначе были в течение стольких лет, что бы ни произошло в дальнейшем.

В городе Н. я рассчитывал вести жизнь спокойную. Собранную. Прилежную. Я мечтал об отдыхе. О свете. О более подлинном существовании. Мечтал о подъеме. О легкости. О книге, которая придет сразу, за несколько недель самое большее. Об озарении, которое внезапно случится, став наградой за месяц терпения. Я готов был ждать. Мне нравилась идея усердия. Я преклоняюсь перед такими вещами, как воля, выдержка, упорство.

Я выбрал Н., потому что это город маленький. Потому что говорили, что он красивый и там хорошо жить. Потому что у меня там всего двое-трое знакомых, и общаться с ними будет легко и приятно — мой двоюродный брат, лицейский учитель, я его любил, хотя мы виделись редко. И друзья друзей, с которыми ничто не обязывало меня встречаться.

Я помнил, как дважды ездил в Н. на уикенд летом, когда — я хорошо это знал — город, целиком отданный туристам и их удовольствиям, демонстрирует лишь одно из своих лиц, самое привлекательное, самое поверхностное. Мне захотелось увидеть другое. Город долгих зимних ночей. Синего, ледяного январского небосвода. Я смотрел на переполненные террасы кафе, на фасады домов с широко распахнутыми окнами и думал: а через три месяца? А когда все разъедутся? А когда на улице ноль и свет падает на безлюдные площади и закрытые кафе?

Сильвен Прюдом

Мне захотелось этого покоя. Показалось, что в Н. я сумею вновь обрести сосредоточенность, аскетизм, которых мне уже много лет не хватало. Разумную дозу уединения, чтобы наконец собраться, прийти в себя, быть может, возродиться.

Могло пройти много месяцев, прежде чем я встретил бы автостопщика, — нет такого закона, по которому жители одного и того же города, каким бы маленьким он ни был, должны быстро встретиться.

Нескольких часов, однако, хватило.

Я прибыл на вокзал Н. около полудня, имея при себе на все про все две сумки с книгами и одеждой. Стояла хорошая погода, было начало сентября. Платаны уже понемногу облетали. Листья отделялись от веток один за другим и падали вниз как огромные стружки, касаясь земли с громким шуршанием. Потом шелестели по асфальту при малейшем дуновении ветра.

Я дошел до центра, миновав ограду коллежа, где стоял гвалт большой перемены. Встретился с хозяином квартиры, снятой по интернету. Мы осмотрели ее, зафиксировали одну-две трещины на потолке, урегулировали вопрос ежемесячных выплат, выпили на ближайшей террасе. Потом он вручил мне ключи, и я проводил его взглядом до конца улицы.

Я снова поднялся в квартиру. Открыл дверь, оглядел свое новое жилище. Две комнаты с паркетным полом, показавшимся мне уютным на фотографиях в ин-

тернете. Сейчас комнаты поразили меня в первую очередь невероятно низкими потолками.

Я посмотрел на фисташковые стены — я сам их покрасил, сообщил хозяин. Он с гордостью рассказал, добываясь именно такого оттенка и никакого другого, вынужден был заказать краску в некой лондонской фирме. Я оглядел люстру, висевшую над столом на уровне моей головы. Старую лепнину на потолке. Тяжелые шторы. Потрепанный диван в нише, далеко от единственного окна.

Я подумал: вот я и снова студент.

Улыбнулся.

Поставил сумки в угол, наскоро смахнул с мебели пыль, сделал гораздо быстрее, чем в былые времена, положенные звонки в разные службы — газ, электричество, интернет.

Пошел в магазин — кофе, паста, оливковое масло, вино.

Вернулся. Снова оглядел неподвижные стены, неподвижные шторы, неподвижные люстру и стол. Физически ощутил глыбу тишины в этих стенах. Послушал, как скрипит под ногами паркет. Положил покупки возле раковины. Я пришел в восторг от этого жеста — положить покупки на столешницу в новой кухне. Услышал, как бутылка оливкового масла в пакете тихонько звякнула об дерево. Я узнал этот знакомый звук — стук сумки с продуктами о рабочую поверхность на кухне. На моей кухне.

Подумал: здесь мне будет хорошо.

Я порылся в выдвижном ящике, отыскал нож. Почистил несколько зубчиков чеснока, мелко нарезал, бросил на сковородку. Пошел запах. Я сварил пасту, слил воду, вывалил пасту на сковородку, где томился в масле чеснок. Посмотрел, как извиваются длинные

косички. Подождал, пока они поджарятся, пропитаются маслом и чесночным соком, станут хрустящими, как соломка.

Пододвинул стол к окну. Сел. Все съел. Выскреб со дна сковородки жареный чеснок до последней дольки. Поставил варить кофе.

Потом, не откладывая, сел работать.

Я просидел за компьютером до вечера, внимательный, напряженный, счастливый.

Я подумал: здесь время будет наполненным. Здесь каждая неделя будет как месяц.

Около шести вечера мне позвонил Жюльен, мой кузен, которому я заранее сообщил, что должен приехать сегодня. Он пригласил меня к себе на вечеринку.

Я подумал: нет.

Не прямо так сразу.

Я сказал: да.

И снова вернулся к работе.

Около девяти часов я принял душ и взял на кухне купленную днем бутылку вина.

Когда я вышел, оказалось, что сентябрьская ночь уже почти наступила, улицы были пустынные, открыты только редкие рестораны. Ветер усилился, похолодало. Я посмотрел на магазины с опущенными железными шторами, на дома с освещенными кое-где окнами, на сине-зеленые блики телевизора на потолке второго этажа. В одном из нижних окон заметил семью за ужином.

Я подошел к дому, освещенному снизу доверху. Увидел в окнах фигуры людей, стоявших на кухне и в гостиной, услышал музыку, включенную на полную громкость. Жюльен вышел открыть мне дверь.

Саша.

Он поцеловал меня.

Значит, ты и правда приехал.

Он потащил меня в гостиную, познакомил со своей женой Аниссой. Сделал потише музыку и радостно представил меня гостям:

Мой кузен Саша. Рекомендую оказать ему теплый прием.

Не успев опомниться, я уже стоял с бокалом красного и болтал с Аниссой и Жанной, коллегой Жюльена по лицую. Я описал им свой первый день в городе, как приехал с двумя сумками одежды и книг. Мою квартиру с зелеными стенами. Пасту, зажаренную с чесноком.

Они посмеялись.

Будем приглашать тебя иногда, не одной же пастой тебе питаться, сказала Анисса.

Я видел, что Жанна расположена ко мне, что рассказ о моем одиноком приезде ее развеселил. Я догадался, что она тоже живет одна. Анисса оставила нас вдвоем. Жанна рассказала мне, как сама приехала сюда четыре или пять лет назад, после своего первого места работы где-то в районе Бреста. Я объяснил, что меня сюда привело. Хотелось начать с нуля. Сосредоточиться. Жить без суеты.

Мы выпили и налили себе еще. Она спросила, о чем будет книга, которую я собираюсь писать.

А потом — что пришло ей в голову? Что я такого сказал, чтобы у нее возникла эта мысль?

Знаешь, тут в городе есть один человек, надо вас познакомить. Вы наверняка найдете общий язык, да, да. Он забавный, слегка чокнутый, ты увидишь, и тоже любит книги. Он поселился в Н. года, наверно, четыре назад.

Почему я сразу догадался, что это он? То ли потому, что она сказала “слегка чокнутый”. То ли потому, что поселился недавно.